БУРЯТЫ на переломных этапах истории

(Окончание. Начало в №110.)

КОМПАКТНО проживают буряты также на территории Республики Монголия (Хэнтэйский, Восточный, Селенгинский, Хубсугульский аймаки) - всего, по оценочным данным, около 100 тыс. человек. Примерно 6-7 тыс. бурят обитают на территории Хулунбуирского аймака АРВМ КНР.

По переписи 2002 г. численность бурят по РФ составила 445 тыс. человек, т.е. налицо достаточно ощутимое сокращение темпов прироста. Прирост по сравнению с 1989 г. составил 8,1 %. Для сравнения: прирост бурят с 1979 г. по 1989 г. был равным - 19,2 %. Хотя эти данные приведены по бывшему Союзу в целом, думается, что это обстоятельство принципиально не меняет ситуацию. 61 % бурятского населения страны сосредоточено в Республике Бурятия; прирост бурят по республике несколько выше, чем по стране в целом - 9,3 %. Причем это происходило на фоне некоторого сокращения всего населения РБ - с 1038 тыс. человек в 1989 г. до 981 тыс. Более интенсивное увеличение численности бурятского населения в республике можно отнести не столько за счет хорошего естественного прироста, а сколько благодаря внешней миграции из Иркутской и Читинской областей, также вследствие возвратной миграции из других регионов РФ и стран СНГ (см. табл. 2).

Табл.2 Динамика численности бурятской диаспоры (по РФ)

	1989 г. (тыс. чел.)	2002 г. (тыс. чел.)
Якутия	8,4	7,3
г. Москва и Московская область	1,5	2,8
Красноярский край	1,5	1,1
Магаданская область	1,6	0,5
Тува	0,6	0,4
Татарстан	0,1	0,05
Калмыкия	0,09	0,1

За последние десятилетия наблюдалось также постепенное увеличение доли бурятского населения в РБ: в 1959 г. - 21 %, 1979 г. - 23 %, 1989 г. - 25 %, 2002 г. - 27 %. По Иркутской области данный показатель следующий - 3,2 %, 2,8 %, 2,7 %, 3,1 %, а по Читинской области соответственно - 4,5 %, 4,6 %, 4,8 %, 6,1 %.

В Усть-Ордынском бурятском автономном округе проживает 53649 бурят, что составило 39,6 % всего населения округа. По переписям 1970 г., 1979 г., 1989 г., соответственно, 32,7 %, 34,5 %, 36,3 %. Прирост с 1989 по 2002 г. составил 8,7 %. В Агинском Бурятском автономном округе численность бурят составила 45149 человек (62,5 % от общей численности населения округа). По предыдущим переписям, соответственно, 50,4 %, 52 %, 54,9 %. Прирост с 1989 г. по 2002 г. составил 6,4 %. А всего на территории трех бурятских субъектов РФ сосредоточено 83,5 % всех бурят (371,7 тыс. чел.).

Статистика также свидетельствует, что при увеличении доли бурятского населения по РБ в целом, более быстрыми темпами росло городское население. Доля бурят-горожан выросла до 48 % по сравнению с 44 % в 1989 г. Удельный вес бурят в общей численности всего городского населения республики возрос до 22,6 %, в то время как в предыдущие сравниваемые годы он соответственно составлял -11,5%, 14,5 %, 17,3 %.

Причины довольно резкого усиления процесса урбанизации среди бурят вполне объяснимы. Почти повсеместный распад колхозов и совхозов, повлекший за собой массовую безработицу в сельской местности, вызвал интенсивный поток сельчан в города. Причем основная масса переселенцев оседает в Улан-Удэ и Иволгинском районе. По переписи 2002 г., доля бурят в г. Улан-Удэ составила 29,8 %. По последней переписи в Иволгинском районе, доля бурят составила 52,3 %. Таким образом, Иволгинский попал в разряд таких районов, как Еравнинский, Закаменский, Кижингинский, Курумканский, Окинский, Тункинский, где доля бурят составляет более половины населения.

При известном факте диспропорции в соотношении численности мужчин и женщин в целом по стране и по республике, этот показатель у бурят выглядит еще более удручающим. В 1989 г. на 1000 мужчин-бурят приходилось 1111 женщин (например, у представителей русской национальности - 1062), а в 2002 г. это соотношение углубилось: на 1000 мужчин - 1129 женщин (у русских - 1099).

К другой особенности демографического положения бурятского населения относился более высокий средний размер семьи по сравнению со среднереспубликанским (в 1979 г. - 4,2, а в 1989 г. - 4,0, в то время как по республике он составлял соответственно - 3,6 и 3,5). Однако в настоящее время эта особенность утеряна и средний размер семьи бурятского населения практически сравнялся со среднереспубликанским.

Характерной особенностью этнического развития бурят в послевоенные годы становится все большее усиление интернациональных черт в культуре и быту, расширение бурятско-русского двуязычия. В 1940-50 гг. этому в известной мере способствовало возвращение демобилизованных воинов, массовое освобождение бывших политзаключенных, также повышение общего уровня образованности населения, увеличение доли городского населения.

С 1970-х годов одновременно с дальнейшим расширением бурятско-русского двуязычия (в 1970 г. около 67 % бурят свободно владели русским языком, в 1979 г. - 72 %), усиливается процесс сужения общественных функций бурятского языка, утраты родного языка бурятским населением. Если в 1959 г. русский язык называли в качестве родного языка около 5 % бурят, то в 1979 г. - 10 %, в 1989 г. - 14 %. Процесс, как видно, прогрессирует. Однако эти данные, на наш взгляд, еще не в полной мере отражают особенности языковой ситуации среди бурят. Материалы некоторых выборочно проведенных этносоциологических исследований, также наши непосредственные наблюдения убеждают в том, что в действительности доля реально не владеющих родным языком среди бурят значительно выше. Если учесть, что такое положение характерно прежде всего для подрастающего поколения, то перспективы этнического развития бурят вполне предсказуемы. Бурятский язык сейчас сохраняется в основном в сфере домашне-бытового обихода. Утрачены или существуют в сильно модернизированном виде все основные элементы традиционно-бытовой культуры.

О положении, в котором сейчас находится бурятский этнос, его традиционная культура и язык, написано уже достаточно много и с разных позиций.

Основные факторы, предопределившие нынешнее состояние бурятского этноса, можно свести, таким образом, к следующему: утрата традиционных этнокультурных связей, осуществляемый в годы Советской власти курс на всемерную индустриализацию, коллективизацию, интернационализацию, политические репрессии, территориально-административное раздробление этноса в 1937 г., численно преобладающее иноэтническое окружение, неоправданная реформа в сфере преподавания бурятского языка в начале 1970-х гг. и т.д.

Объективная реальность, на наш взгляд, такова, что буряты в своем этнокультурном развитии весьма далеко отошли от своих исконных этнических истоков, поэтому попытки масштабной реанимации элементов традиционной культуры и восстановления былых общественных функций родного языка сопряжены с труднопреодолимыми препятствиями, если вообще состоятельны. Многое обусловлено тем, что индустриализация, урбанизация, процесс интернационализации, унификации культуры - явление объективное, закономерное, происходящее во всем мире. Положение усугублено тем, что процесс интернационализации, особенно в советский период, являлся внедрением культуры преимущественно западного образца, культуры в целом чуждой по духу и содержанию для аборигенного населения Сибири.

Необходимо, конечно, отметить при этом, что за последнее десятилетие в Бурятии развернулось активное движение за возрождение национальной культуры и языка. Проводится немало конкретных практических мероприятий в этом направлении, внесших ощутимую свежесть и новизну в прежнюю размеренную, регламентированную жизнь этноса. Конечно, необходим определенный отрезок временного пространства, чтобы соответствующим образом оценить итоги и целесообразность этой деятельности. Тем не менее, о наступлении каких-либо коренных перемен в этой сфере пока не приходится говорить.

Проблемы в этом деле очевидны. Отсутствие необходимого навыка работы в новых условиях, недостаточное финансирование, нехватка соответствующих кадров, учебно-методической литературы и т.д. Несмотря на самоотверженные усилия со стороны работников ВАРКа, министерств культуры и образования, даже принятие ряда нормативно-правовых актов, дело, по большому счету, пущено на самотек, держится на энтузиазме отдельных людей.

С другой стороны, как всем известно, после упоительного, но непродолжительного периода перемен в сторону демократизации и гласности в обществе, грянула новая революция (или контрреволюция) со всеми вытекающими последствиями. И в условиях, когда почти перед каждым рядовым гражданином в качестве злобы дня выросла проблема элементарного выживания, то ему уже, как говорится, не до высоких материй. Даже если он знает или интуитивно догадывается о том, что владение материнским языком, знание вопросов этнической истории и культуры отнюдь не тормоз, а скорее, подспорье на пути к становлению всесторонне развитой, профессионально подготовленной личности, что у него, потомка носителей оригинальной в своем роде центральноазиатской цивилизации, имеется не только «великое прошлое, но и великое будущее, связанное с новым воплощением Гэсэр-хана и приходом эпохи Шамбалы» (И.С. Урбанаева), но, тем не менее, его сознание на утилитарно-бытовом уровне подсказывает ему сегодня идти по пути наименьшего сопротивления, сулящего пусть сиюминутную, но реальную пользу. Подобный прагматизм в мышлении и поведении, конечно, обусловлен тем, что основные элементы традиционно-бытовой культуры, взращенные в недрах патриархально-родового строя, оказались не в состоянии удовлетворять интересы представителей современного общества как в плане материальных потребностей, так и духовных запросов.

Один из существенных факторов, объективно препятствующий процессу возрождения элементов традиционной культуры языка бурят - это территориально-административная разобщенность, сохранение у них все еще заметных локально-диалектных различий, потому что в сложившейся ситуации способны наиболее эффективно функционировать только те компоненты, которые соответствуют интересам и запросам преобладающей части населения. И в условиях, когда литературный бурятский язык еще не сумел стать общенациональным, и когда практически все бурятское население владеет русским в качестве второго, именно последний выступает как средство общения между представителями разных территориально-диалектных групп. Более того, в настоящее время порой возникает ощущение, что одновременно с общим подъемом чувства национального самосознания, ростом интереса к истокам своей этнической истории, складываются благоприятные предпосылки для усиления центробежных устремлений - возрождение тайлаганов, обоо по родоплеменным признакам, интенсивное строительство дацанов, дуганов в каждой местности, проведение массовых празднеств Сагаалгана по принципу принадлежности тому или иному району и т.д.

В свете сказанного неизбежно возникает вопрос о возможных путях и перспективах дальнейшего развития бурятского этноса. Наиболее реальны два основных, но не взаимоисключающих друг друга варианта. Первый - следование в русле тех процессов, которые происходили в сфере этноса на протяжении, по крайней мере, всего прошлого столетия - дальнейшая интернационализация, унификация культуры с преимущественным внедрением элементов западного образца, активное приобщение к достижениям современной науки и техники, условиям рыночной экономики. Иными словами, буряты, утратив все основные компоненты традиционной культуры и вытеснив родной язык из сферы активного обихода, переходят как бы на новую, качественно иную стадию этнического развития. Главным и, вероятно, даже единственным этнодифференцирующим показателем останутся этническое самосознание и соответствующее тому самоназвание.

Второй вариант развития условно можно обозначить как «центральноазиатский». Этот путь, безусловно, более сложный, трудоемкий, требующий известных материальных издержек, поскольку связан с преодолением достаточно мощной инерции прошлых лет. Необходимо восстановление и дальнейшее развитие связей с соседней Монголией, другими странами Центральной и Восточной Азии, что, в свою очередь, требует коренной переориентации культурно-национальной политики государства не только в рамках Республики Бурятия, но и всей Российской Федерации в целом.

Здесь очень важно прежде всего определиться в отношении того, что еще можно и важно сохранить и развить нам из традиционного культурного наследия, что и каким образом приспособить к современным условиям. При этом необходимо учесть, что степень утраты элементов традиционной культуры и языка далеко не однозначна среди разных территориально-этнографических групп. Диаметрально противоположна, например, в этом отношении ситуация в двух автономных округах - Агинском и Усть-Ордынском. Весьма различной выглядит этническая ситуация и в разных районах РБ. Особняком стоят те буряты, которые находятся вообще за пределами какого-либо территориально-административного образования. И только учет специфики каждого из этих регионов может послужить гарантией возможного успеха в конкретной повседневной деятельности.

Думается, что выбор того или иного пути развития во многом будет определяться такими категориями, как внутренний, духовный потенциал нации, ее этнический менталитет и психология. В этой связи высказывалось, например, мнение о том, что «под влиянием идеологии и новой мифологии социалистической нации у целых поколений бурят сформировался менталитет титульной нации и, как следствие, особое отношение к государственности и своему положению в ней», что привело к «притуплению чувства страха перед опасностью денационализации и стремления к самосохранению себя как этноса» (А. А. Елаев).

Другие же склонны рассматривать сегодняшнее состояние и перспективы развития бурят с несколько иных позиций и в ином свете. Согласно такому видению, бурятский этнос, несмотря на «значительную глубину и масштабность» происходящих преобразований, «сохранив всю этничность, ... находится на фазе пассионарного подъема, ... на этапе дальнейшего цивилизационного роста». В то же время «этнос в лице своих лидеров, идеологов должен сознавать, что он находится в русле общих интеграционных процессов, что ему не уйти от дальнейшего влияния индустриальной цивилизации со всеми ее последствиями, ... будет актуализация социокультурных мотивов, ценностей и санкций для формирования индивидуальной идентичности, а не этнической» (Т.М. Михайлов).

Реальность и правомерность подобных умозаключений, очевидно, покажет время. Разумеется, этнические процессы в общем развиваются согласно своим объективным законам, но, как свидетельствуют исторические факты, роль человеческого, личностного фактора в них бывает весьма ощутимой, а порой и определяющей. В целом не приходится сомневаться в наличии в Бурятии достаточного потенциала, и материально-технического, и интеллектуального. Нужна более четкая и полная координация сил и средств, выбор конкретных и приоритетных направлений деятельности.

Д. НИМАЕВ,
ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.